

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09–146.2+929 Козлов

СПЕЦИФИКА ВАРЬИРОВАНИЯ В УСТНОМ БЫТОВАНИИ РОМАНСА И. И. КОЗЛОВА «БЕЗУМНАЯ»

А. П. Бышкина, Е. В. Киреева

Саратовский государственный университет
E-mail: ann-byshkina@yandex.ru
E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Статья посвящена определению особенностей варьирования в устном бытовании романса И. И. Козлова «Безумная». Анализ проведен преимущественно на основе архивных записей.
Ключевые слова: Козлов, романс, фольклор.

Specific Character of Variation of I. I. Kozlov's Romance *Insane* in its Folklore Form

A. P. Byshkina, E. V. Kireeva

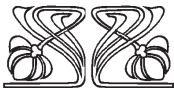
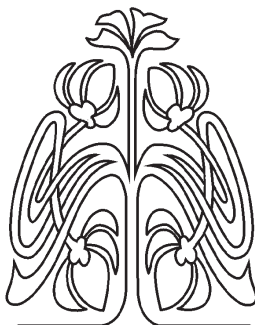
The article is dedicated to the identification of the specific character of variation of I. I. Kozlov's romance *Insane* in its folklore form. The analysis was made mainly on the basis of archival materials.
Key words: Kozlov, romance, folklore.

В истории взаимодействия литературы и фольклора есть много загадочного. Но особенно удивительны судьбы песен и романсов. Часто так оказывается, что популярный текст, считающийся народным, имеет свой литературно-поэтический источник. И живут авторское стихотворение и его народный вариант параллельно друг с другом, каждый своей судьбой. При этом нередко песня переходит «из уст в уста» и становится совсем непохожей на авторский текст. Как и почему это происходит, каким образом изменяется текст и жанр в ходе бытования, каковы сферы бытования песни, совершенствует или портит текст народ – вот вопросы, интересовавшие многих фольклористов и литературоведов: И. Н. Розанова, М. П. Алексеева, Т. М. Акимову, А. М. Новикову, Я. И. Гудошникова, Н. С. Травушкина и др.

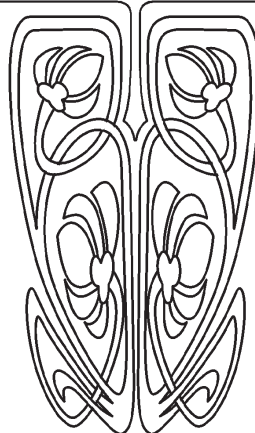
В статье представлена попытка проследить судьбу романса И. И. Козлова «Безумная» с точки зрения его фольклоризации.

Романс был написан в 1828 г. и увидел свет в «Невском альманахе на 1829 год». Произведение представляет собою необычайно эмоциональную и проникновенную исповедь молодой женщины, оказавшейся в одиночестве «далеко от своих», «в чужой, угрюмой стороне»¹. Она оплакивает своего усопшего супруга, рассказывает о своей нелегкой доле: «О, здесь, далеко от своих... / Покой бежит очей моих» (134). Боль и одиночество лирической героини настолько велики, что у нее «нет сил молиться Богу»² (134). Она сможет помолиться, лишь оказавшись в родном краю. Но и там несчастная, не веря в избавление от душевной боли, намерена просить лишь о смерти: «Там стану Бога умолять, / Чтоб, сжалься над тоской моей, / Он мне конец послал скорей» (134). Героиня, оправдывая свои греховные помыслы, говорит о хрупкости надежд на счастье супружества: «О, как мне, бедной, не тужить! / Ты, радость, и меня манила (134–135). В заключительных строках стихотворения, как стон, как плач, вновь звучит желание уйти из жизни, доводя трагизм произведения до предела: «Ах, улетаю, ангел мой, / Что не взял ты меня с собой!» (135).

С христианской точки зрения (как мы знаем, Козлов был глубоко верующим человеком) героиня впадает в грех, предаваясь унынию и желая смерти. Видя ее чрезмерную скорбь, окружающие называет ее «безум-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ной». «*Меня жестокие бранят, / Меня безумной называют...*» (134), – жалуется молодая женщина на непонимание и осуждение окружающих. К числу этих «жестоких», вероятно, относится и сам автор, который выразил свое отношение к героине в названии произведения. Однако эпитет «безумная» звучит неоднозначно. С одной стороны, он указывает на неправоту лирической героини, отступившей от Божьих заповедей, призывающих к долготерпению и упованию на Бога. Сам Козлов, испытав страшную личную трагедию утраты здоровья, не впал в уныние, оставался жизнелюбив и никогда не помышлял о смерти как избавлении от мук, ибо «страдания – также молитва»³. Но, с другой стороны, автор, назвав героиню безумной, не осуждает ее. В заглавии звучат нотки жалости к молодой женщине, потерявшей смысл в жизни. Козлову удалось заставить читателя сопереживать, сочувствовать ей, поскольку монолог ведется от ее лица и именно ее мысли и чувства обнажены перед нами. Интересно, что даже ролевая лирика, образчиком которой является «Безумная», у Козлова обладает, пусть и на контекстуальном уровне, чертами автобиографичности.

Автор определил жанр своего стихотворения как «романс». Хотя И. Д. Гликман полагал, что «в творчестве Козлова важное место занимает романсная лирика»⁴, сам поэт назвал романсами лишь три произведения: «Романс» («Есть тихая роша у быстрых ключей») (1823), «Романс Дездемоны» (1830) и исследуемое нами произведение. Все три романса женские. При этом «Безумную» можно считать уникальным явлением в творчестве Козлова: это единственный оригинальный романс (остальные два – вольные переводы отрывка из поэмы Томаса Мура «Лалла-Рук» и песни Дездемоны из трагедии Шекспира «Отелло» соответственно). Кроме того, это единственный случай, когда «романс» дан не как название текста, а как жанровое обозначение.

Для того чтобы ответить на вопрос о жанровой природе произведения «Безумная», обратимся к высказыванию Т. М. Акимовой, видящей разницу между песней и романсом в следующем: «В песне больше простоты и обыденности в картинах и стиле, а также обобщенности в тематике и образах. Романс сложнее по психологическому рисунку и субъективнее в своем лиризме. В песне чаще рисуется объективированный герой, в романсе же автор выступает от себя лично, лирический герой и автор сливаются. Романс предназначен исключительно для сольного исполнения, многие же песни можно петь и хором»⁵.

Действительно, текст Козлова соответствует характеристике романса, данной Т. М. Акимовой. Эмоциональное напряжение развивается по нарастающей, к последним стихам доходит до апогея, что также, по словам Б. М. Эйхенбаума, является признаком романса⁶. В «Безумной» звучат мотивы романтической поэзии: непонимание героини окружающими, кратковременность счастья, вос-

поминание о былой радости, антитеза земного и небесного бытия (в последнем особенно ощущается влияние творчества В. А. Жуковского). Указанные мотивы проявились и на стиле стихотворения Козлова (усложненность изложения мысли, обилие метафор):

Но гибнет радость навсегда;
К беде, слезам я пробудилась, –
И ясная любви звезда
В кровавом облаке затмилась! (135).

С точки зрения исполнительской манеры произведение также, безусловно, является романсом.

В то же время текст имеет и песенные черты: 1) субъективность, присущая романсу, «разрушается» присутствием в тексте неких «жестоких»; 2) автор и лирический герой не слиты (ролевая героиня); 3) оппозиция «чужой стороны» и отчего дома – также песенное явление; 4) в произведении просто, без изысков описывается родной дом⁷ и обряд венчания⁸. Таким образом, «Безумная» являет собой романс с песенным началом⁹.

Это изначальное нарушение чистоты жанра способствовало тому, что произведение не только исполнялось в дворянской образованной среде, но и вошло в песенный обиход русского народа. Однако, как пишет В. Е. Гусев, музыка для романса «Безумная» была сочинена только после смерти поэта – в 1857 г. военным композитом А. Дерфельдтом¹⁰. Под эту мелодию романс поют до сегодняшнего дня. В наши дни известно (преимущественно в сети Интернет) исполнение его Жанной Рождественской. Она поет его с незначительными отклонениями от литературного оригинала¹¹.

Долгое время фольклористы не обращали внимания на этот романс. И только в 2011 г. исследовательница из Твери И. Ю. Махотина, характеризуя репертуар русских цыган, отметила, что одна из песен «частично восходит к стихотворению И. И. Козлова “Безумная”»¹². В статье дается ссылка на сборник¹³, где действительно опубликованы два разных народных варианта произведения Козлова (без указания литературного источника). Специальных же работ, посвященных фольклоризации романса «Безумная», насколько нам удалось выяснить, нет.

В нашем распоряжении имеются семнадцать записей народного романса «Безумная»¹⁴ из архива учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» Саратовского государственного университета (с 1925 по 2013 г.) и три варианта опубликованных в сборниках жестоких романсов из Петербурга и Твери¹⁵. Наличие вариантов из нескольких областей (Архангельской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Тверской, Ульяновской) говорит о прошлой популярности романса, хотя исследуемый текст не был обнаружен в других крупных региональных сборниках¹⁶. Возможно, это обусловлено тем, что до революции и в советское время такого рода тексты не публиковались.

Временем популярности «Безумной» можно назвать первую половину XX в. И хотя, судя по записям из архива СГУ, текст бытовал на протяжении почти ста лет, трудно говорить о его популярности во второй половине XX столетия. Ведь в этот период записи делали с голоса людей 50–70 лет (1902–1933 г.р.), которые вспоминали песни юности, девичества. Некоторые из них указывали, что еще отец и мать пели эту «песню»¹⁷.

Известность романа можно объяснить социально-психологическими чертами, которые характеризовали народную среду в начале прошлого столетия. Рост самосознания спровоцировал в песенном творчестве интерес к темам, связанным с противостоянием личности и ее окружения, отстаиванием права на свои собственные чувства и свое мнение. Разложение крестьянской семьи, утрата понимания брака как священных уз, а взаимоотношений между мужчиной и женщиной как чего-то сакрального привело к появлению множества обиженных, обманутых девушек, что нашло отражение в фольклоре: на первый план вышли темы несчастной любви, обманутых надежд, разочарования и, как следствие, в ряде случаев самоубийства. Именно эти два эмоционально-смысловых «узла» стали причиной фольклоризации произведения Козлова, а также варьирования текста в устном бытовании.

Народные варианты романа преимущественно уступают в объеме литературному оригиналу: вместо четырех восьмистиший текста Козлова (32 строки) поются тексты объемом в среднем в 20 строк¹⁸. Полностью утрачены основная часть и финал стихотворения: строки о родном доме, воспоминании о венчании, желании жить. Основой народного романа стала первая строфа, но и она подверглась значительным правкам. Коренным образом изменилась лирическая ситуация. Если в стихотворении героиня страдает из-за смерти супруга, то в народных вариантах – из-за предательства, измены, просто угасшего чувства возлюбленного (возможно, жениха, но не мужа)¹⁹.

Возлюбленный не пришел на свидание, но девушка продолжает любить, надеется на восстановление отношений с ним. Такая трансформация лирического сюжета объясняется не только популярностью темы неразделенной любви. В традиционном фольклоре семейные отношения изображались как череда страданий женщины: нежеланный брак, постылый муж-деспот, угнетение, побои, поэтому народный романс о любви описывает пору девичества. И стихотворение Козлова из круга текстов семейной тематики переходит в сферу народной любовной лирики.

Второе значительное отличие всех фольклорных текстов от литературного оригинала заключается в том, что «безумной называют» лирическую героиню не чужие «жестокие», а свои, близкие, люди. Например:

Родные все меня бранят,
Безумной называют.
По милом плакать не велят,
Молиться заставляют²⁰.

Даже близкие люди не понимают лирическую героиню, ее отношения к оставившему ее возлюбленному. В переживаниях девушки нет ничего плохого, греховного с позиции морали или религии. Окружающие и бранят ее, и пытаются помочь ей, советуют («заставляют») молиться (в 6 вариантах – лечиться)²¹. В нескольких текстах (в 4) девушка, как и ее литературный прототип, говорит о том, что не следует совету родных: «Но я молиться не молюсь». Однако причина этого указана лишь в одном случае: несчастная забывает молитвы, так как голова ее занята мыслями о любимом: «Слова его в уме держу / О нем я вспоминаю»²².

Тем не менее мотив молитвы или обращения к Богу прослеживается во многих вариантах (в 10 текстах из Саратовского архива). К примеру:

У нас на небе один Бог,
Ему я помолюсь.
И он вернет нашу любовь...²³

Однако чаще (в 7 из указанных 10 случаев) девушка говорит о некоем «враче», способным помочь ее горю:

Есть на свете один врач. Я попрошу с слезою,
Он соединит нашу любовь
и будем жить с тобою²⁴.

Появляются нотки надежды, тональность произведения становится светлее, мажорней.

Одновременно в народном романсе возникает образ доктора (в 8 вариантах из Саратовского архива), который противопоставлен небесному «врачу»²⁵: доктор лечит телесные недуги, поэтому не может справиться с душевной, сердечной болью героини:

Ко мне ты, дохтор, не ходи,
болезни не поможишь.
Она давно в груди моей,
ты больше растревожишь²⁶.

Или:
Уж, ты, доктор, не лечи –
Лекарство не поможет²⁷.

Оппозиция земного и божественного, телесного и духовного, «доктора» и «врача» подчеркивает интенсивность любовного чувства, его неподвластность рассудку. Мысль о болезни и ее лечении возникает как подтверждение сильнейших страданий лирической героини, развивает метафору о сердечной боли. Метафорическое выражение в народном мышлении «овеществилось», стало пониматься в прямом значении (лечиться от любви). Образы доктора и врача мы встречаем только в текстах, зафиксированных в Саратовской области, что позволяет говорить о региональных особенностях бытования.

Тема лекарств и лечения совсем по-иному развивается в варианте романа, опубликованном в Твери²⁸. Текст по-своему уникален, он

обладает значительным объемом, даже превосходит литературный оригинал. Сюжет очень развернут, в нем преобладает эпическое начало. Толчком к драматическим событиям становится то, что отец и мать запрещают своей дочери «гулять» с возлюбленным. Девушка решает отравиться:

Молиться Богу я не стала.
Но не забуду про тебя.
Пойду в аптеку, куплю яду
И отравлю сама себя²⁹.

Текст подробно описывает попытки героини свести счеты с жизнью. Несмотря на предостережения, девушка выпивает купорос и умирает. Обстоятельный рассказ о пребывании в больнице, о предательстве возлюбленного наполнен бытовыми деталями (доктор «Сергей Андреевич стал писать», возлюбленный «спросил перину и деньжонок»). Подобная «документальность» повествования призвана усилить трагизм, что часто встречается в «жестоком» романсе³⁰. Удивительно, но этот сильно искаженный в сравнении с литературным оригиналом вариант как бы «реализует» мотив из стихотворения Козлова: нежелание жить по смерти супруга.

В процессе бытования в романсе был развит мотив непонимания со стороны близких людей, вследствие чего расширилась система образов. Вместо «жестоких» Козлова, в народных вариантах встречаем «родных», «отца» и «мать»:

Отец и мать меня ругают,
Родные все меня бранят³¹.

Любопытно, что родным «дается слово»: в фольклорных вариантах возникает диалог, характерный для народных песен. Народные исполнители, желая прояснить ситуацию (почему прошла любовь, что стало причиной страданий), «прибавили» слова матери:

Не плачь, не плачь, родная дочь,
И он тебя не стоит.
Он баловал тебя шутя
И целовал от скуки³².

В процитированном фрагменте можно узнать строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не плачь, не плачь, мое дитя»³³.

Широко известный в общественном обиходе романс Лермонтова³⁴ был у всех на слуху, перекликался с народным романсом «Безумная» с точки зрения тематики и содержал лексему «безумный». Реминисцентно звучащий фрагмент из стихотворения Лермонтова развивает тему предательства и в указанном варианте «Безумной» делает акцент на неверности возлюбленного.

Народный романс контаминировался и с другими произведениями. Так, в 10 вариантах «Безумной» слышится отзвук популярного в XX в. романса М. Перротте «Он виноват» (1909):

И не скажите про него,
Пусть душа забудет,
Но я бы рада разлюбить,
Но сердцу больно будет³⁵.

Ср. у М. Перротте:

Не говорите мне о нем:
Еще бывшее не забыто –
Он виноват один во всем,
Что сердце бедное разбито³⁶.

Оказавшись в народной среде, романс был «украшен» также приемами поэтики старинных песен, прежде всего синтаксическим и образным параллелизмом:

Появились алые цветы,
Которы поливала.
Появились губы алый цвет,
Которы целовала³⁷.

Или:

Появились алые цветы, которые поливала.
Прошли веселые те дни,
когда с милым гуляла³⁸.

В приведенных фрагментах обнаруживаем «флоризмы» («алые цветы»), которые встречаются в 16 имеющихся в нашем распоряжении текстах. В одном из вариантов (он восходит к цыганской песне) говорится о сирени³⁹.

Тяготение к указанным приемам народной поэтики повлияло на характер контаминации в одном из вариантов, который заканчивается словами из народной песни:

Сама садик я садила,
Сама поливаю.
Сама милого любила,
Сама и страдаю⁴⁰.

Уникальность этого варианта «Безумной» заключается в том, что героиня видит источник своих страданий в себе самой. Девушка не обвиняет возлюбленного, никто не виноват в ее страданиях, но и никто – ни родные, ни доктор – не может ей помочь.

Итак, спецификой варьирования в устном бытовании романа Козлова «Безумная» является его значительное преображение. Ни одно другое фольклоризовавшееся произведение поэта не было подвержено таким значительным изменениям⁴¹. По сути, от литературного источника осталась (да и то в сильно искаженном виде) только первая строфа. Однако нельзя преуменьшать значение литературного первоисточника в судьбе народного романса. Трансформация текста явилась следствием развертывания мотивов, заимствованных из стихотворения Козлова (мимолетность счастья молодой женщины, безмерность ее страданий, непонимание героини окружающими, обращение за помощью к Богу, молитва, нежелание жить). Народ сердечно обдумал лирическую ситуацию, не обвиняя, как и поэт, героиню, а пытаясь разобраться в причинах сердечной боли и путях избавления от нее. Отсюда возникают разные редакции в соответствии с финалом: 1) разлука с возлюбленным, но есть надежда на воссоединение (9 вариантов); 2) отсутствие надежды на возобновление отношений (9 вариантов); 3) смерть героини (отравление) (1 вариант) или угроза смерти (1 вариант).

В целом же народный романс эмоционально светлее, чем стихотворение Козлова, поскольку героиня в нем, за исключением одного варианта, не желает себе смерти. Во многих случаях остается даже надежда на обретение счастья и благополучия, что характерно для народной песни.

Жанр романса тоже претерпевает определенные изменения. В процессе варьирования развивается песенное начало, и литературный романс-элегия с песенными чертами становится романсом-песней. Варианты «Безумной» публикуются в сборниках «жестоких» романсов. Однако это не вполне справедливо. К «жестокому» романсу можно отнести лишь один текст – тот, в котором героиня отравилась. Только он соответствует принципам жанра, на которые указывает Гудошников: «„Жестокие“ романы развивают драматизм повествования элегических до трагических пределов, проявляют особое пристрастие к фабулярному принципу поэтики и доводят его до предельной детализации»⁴². Остальные редакции романса не обладают достаточной сюжетной и лексической претенциозностью и остаются в элегическом русле.

Под влиянием коллективной «шлифовки» и народного редактирования авторские произведения нередко значительно меняются. Этот процесс в литературоведении и фольклористике оценивается неоднозначно. Конечно, литературное произведение и его народный вариант неодинаковы по художественному уровню, но определенно ответить на вопрос о совершенствовании или порче текста очень трудно. Возможно, с литературоведческой точки зрения романс Козлова «Безумная» потерял правильность, изящность выражений, красоту рифм и многообразие интонаций, стал проще, приобрел приметы искусства примитива. Однако с точки зрения привлекательности для народных масс он стал лучше: понятней, доступней, ясней. Народ по-своему выразил и эмоциональную сложность, и психологическую достоверность переживаний, «украсил» текст более традиционными для себя поэтическими средствами (параллелизмом, «флоризмами», вставками из других произведений), провел значительную творческую работу. Вследствие этого романс «Безумная» прожил долгую жизнь в народном бытовании.

Примечания

- ¹ Козлов И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 134. Далее цитаты приводятся в статье по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ² Здесь и далее слово «Бог» дается в дореволюционной орфографии.
- ³ Грот К. Дневник И. И. Козлова. СПб., 1906. С. 32.
- ⁴ Гликман И. И. Козлов // Козлов И. Полн. собр. стихотворений. С. 48.
- ⁵ Акимова Т. «Русская песня» и романс первой трети

XIX века // О фольклоризме русских писателей : сб. ст. Саратов, 2001. С. 110.

- ⁶ «Синтаксическая периодизация, осложненная системой повторений и параллелизмов, при которой строфы, не замыкаясь в себе, образуют сплошное нарастание, должна быть характерной для стихотворений романсного типа» (Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха. Пб., 1922. С. 27).
- ⁷ Но будь я там, где Дон родной
Шумит знакомыми волнами,
Где терем отческий, простой
В тени таится под дубами... (134)
- ⁸ И в церковь Божью вся в цветах
Пошла с румянцем на щеках;
И помню то, что с женихом
И я стояла под венцом (135).
- ⁹ О своеобразии жанров лирики Козлова, в том числе о жанровом синтезе его произведений, пишет в своей диссертации А. В. Пятаева. В частности, она пишет о «Романсе» («Есть тихая роща у быстрых ключей...») : «... всё стихотворение в целом можно было бы отнести к песенному типу (если следовать классификации Эйхенбаума), но с точки зрения развития сквозного мотива и связанных с этим интонационных вариаций в разных строфах стихотворение имеет и черты романсового типа напевной лирики» (Пятаева А. Художественное своеобразие поэзии Ивана Козлова : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. С. 175).
- ¹⁰ На музыку положил также Биллинг. См.: Песни русских поэтов : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Т. 1. М., 1988. С. 613.
- ¹¹ Звуковой файл см.: Русский классический романс : [сайт]. URL: <http://rusklarom.narod.ru/kozlov.htm> (дата обращения: 15.07.2013) Исполнительница повторяет дважды последнюю строку каждой строфы, что популяризует песенное начало. Кроме того, по каким-то причинам пропущен стих : «Там стану Бога умолять...».
- ¹² Махотина И. Песни литературного происхождения и жестокий романс в репертуаре русских цыган // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 76.
- ¹³ Жестокие романсы Тверской области / сост. Л. В. Брандис, Е. В. Петренко, М. В. Строганов, И. С. Тарасова. Тверь, 2006. С. 87, 151.
- ¹⁴ Указанное название является в некоторой степени условным, поскольку зачастую текст не имеет заглавия и называется по первой строке: «Приду домой, меня бранят...», «Куда я вечером пойду...», «А вот меня дома бранят...», «Родные все меня бранят...» и т. д. Для унификации мы взяли название одного из вариантов народного романса, совпадающего с заглавием литературного источника («Безумная» И. И. Козлова), принимая во внимание, что в подавляющем большинстве случаев сохраняется мотив «безумия»: «Безумной называют».
- ¹⁵ См.: Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Б. Адоньева, Н. М. Герасимова. СПб., 1996. С. 179 ; Жестокие романсы Тверской области.
- ¹⁶ См., например : Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в

- 1893 году. СПб., 1899 ; Песни и сказки Воронежского области / под ред. Ю. М. Соколова и С. И. Минц. Воронеж, 1940 ; Сказки и песни Вологодской области / сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955 ; Сказки и песни Белозерского края : Сборник Б. и Ю. Соколовых : в 2 кн. СПб., 1999 (первое издание в 1915 г.).
- 17 Записано от Букревич Антонины Александровны, 1926 г.р., пенсионерки, жила в с. Куриловка Новоузенского района. Записано в пос. Приволжском г. Энгельса Саратовской области 3 декабря 1986 г. студенткой I курса филологического факультета СГУ И. В. Фалеевой (1986, П. 1, Т. 13, ед. хр. 15). Далее – Вариант 1986 г.
- 18 Однако есть и исключения: вариант народного романса, опубликованный в сборнике «Жестокие романсы Тверской области», имеет объем в 56 строк. Об этом тексте будет сказано далее в настоящей статье.
- 19 Встану рано поутру
И поспешу к свиданью.
Найду себе я тишину,
Глубокое молчанье.
Записано от Шароновой К. С., 40 лет, заведующей яслями, имеющей среднее образование. Записано В. К. Архангельской в с. Б. Федоровка Хвалынского района Саратовской области 7 июля 1956 г. Далее – Вариант 1956 г.
Здесь и далее орфография и пунктуация архивных записей не изменены.
- 20 Записано от Укоткиной П. И., 57 лет, малограмотной. Записали Л. Марцаниевич и Л. Наровчатова в с. Полухино Аркадакского р-на в 1959 г. (1959, П. 5, ед.хр. 115).
- 21 Лечиться (или «лечица») заставляют в трех вариантах, записанных в Саратовской области, двух – из Тверской и одном – из Архангельской областей.
- 22 Вариант 1986 г.
- 23 Вариант 1956 г.
- 24 Записано от Ивановой К., 19 лет, и Храбызовой Д., 18 лет, малограмотными. Записано студенткой Е. А. Торшиной в с. Биклей Саратовской области 2 июля 1925 г. Далее – Вариант 1925 г.
- 25 В православной традиции «врачом душ и телес» именуется Бог.
- 26 Вариант 1925 г.
- 27 Вариант 1986 г.
- 28 Жестокие романсы Тверской области. С. 151–153.
- 29 Там же. С. 152.
- 30 См.: Гудошников Я. Русский городской романс. Тамбов, 1990. С. 74–75.
- 31 Жестокие романсы Тверской области. С. 151.
- 32 Вариант 1959 г. Похожие строки находим еще в двух текстах.
- 33 Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки! (Лермонтов М. Соч. : в 6 т. Т. 2. Стихотворения. М. ; Л., 1954. С. 235).
- 34 О популярности романса М. Ю. Лермонтова «Не плачь, не плачь, мое дитя» см.: Новикова А. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX века и народная песня. М., 1982. С. 175.
- 35 Записано от Евграфовой А. И. 1905 г.р. в р.п. Лысье Горы студентками СГУ Т. Согиной и Л. Евграфовой 30 июня 1970 г.
Не уговаривай ты, мать,
Уговорить не можешь.
Моя болезнь давно в груди,
Сильнее растревожишь (Записано от Смирновой М. в с. Новый Урень Ульяновского р-на Ульяновской области 26 сентября 1974 г.). Остальные вставки менее похожи на литературный источник.
- 36 *Перотте М.* Не говорите мне о нем... URL: http://www.korneeva.com/text/Ne_govorite_mne_o_nem.html (дата обращения: 15.01.2013).
- 37 Вариант 1986 г.
- 38 Записано от Куликовой К. Н., 45 лет, грамотной. Записано студенткой СГУ В. Осиповой в с. Рогаткино Красноармейского р-на Саратовской области 6 июля 1960 г.
- 39 Жестокие романсы Тверской области. С. 87.
- 40 Записано от Писюзновой А. Г., 60 лет, малограмотной, студентами СГУ В. Масыновым и А. Ауэром в с. Н. Черновка Вольского р-на Саратовской области в 1968 г. (1968, П. 1, Т. 3, ед.хр. 21).
- 41 О судьбе фольклоризации стихотворений Козлова см., например : Бышкина А. «Добрая ночь» Дж. Г. Байрона в переводе И. И. Козлова : народное бытование // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов, 2010. Вып. 13, ч. I–III. С. 88–94 ; Она же. Образ воина в лирике И. И. Козлова и ее народно-песенных вариантах в контексте стихотворений о Наполеоновских войнах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 62–67.
- 42 Гудошников Я. Указ. соч. С. 68.